

ДМИТРИЙ АЗАРОВ

СЛОН И МЕДВЕДЬ

О ЧЕМ, ЗАЧЕМ И КАК ДОЛГО РОССИЯ НАМЕРЕНА ДОГОВАРИВАТЬСЯ С ИНДИЕЙ

Восточный экономический форум во Владивостоке в сентябре 2019 года прошел практически целиком под портретом премьер-министра Индии Норендры Моди. Российско-индийские переговоры пока выглядят обычными: Россию интересуют поставки в Индию традиционных предметов экспорта — энергоносителей, оружия, продукции тяжелого машиностроения; Индию в России интересуют нефть, газ и те высокие технологии, которые здесь есть. Обе экономики находятся не в звездном состоянии, но у России есть ее сырьевые ресурсы, а Индия — потенциально крупнейшая экономика мира. Торопиться никто из сторон не хочет: сейчас можно лишь ждать отдаленного звездного часа, занимаясь делами не на триллионы, а на миллиарды долларов.

Характер присутствия индийского премьер-министра на ВЭФ 4 сентября не был сенсационным:

Норендра Моди уже бывал во Владивостоке, никаких особенных сенсационных соглашений в России индийская делегация не привезла, и разве что совместное заявление господина Моди и российского президента Владимира Путина о том, что совместный товарооборот РФ—Индия должен по планам участников составить \$30 млрд в год к 2025 году, немного повысило планку ожиданий. Впрочем, это вовсе не огромные цифры — товарооборот РФ и Китая (напомним, индийский премьер-министр выглядел «гвоздем программы» на ВЭФ именно на фоне относительно спокойного присутствия во Владивостоке представителей КНР — отчасти это связано с большими мероприятиями с Китаем в Москве в середине сентября) составляет сейчас около \$100 млрд, для Индии и России выполнение договоренностей означает лишь, что обе страны войдут в пятерку крупнейших торговых партнеров друг друга — но не более.

ТЕКСТ **Дмитрий Бутрин**
ФОТО **Дмитрий Азаров**

Часть переговоров РФ и Индии была ожидаемой. В первую очередь это новый контракт на закупку Индией вооружений на \$14,5 млрд. В том числе строительство предприятий по производству запчастей для российской техники и завода автоматов Калашникова АК-203, сотрудничество в области атомной энергетики (в Индии это энергоблоки АЭС «Куданкулам», возможное производство топлива для индийских АЭС, кооперация в строительстве АЭС «Руппур» в Бангладеш), возможные инвестиции Индии в нефтегазовые проекты «Дальневосточный СПГ» и «Арктик СПГ-2», поставки энергоносителей по Севморпути, потенциальное участие Индии в создании совместно с РФ гражданской авиатехники.

Менее ожидаемыми были разговоры об инновационных стратегических альянсах, например, в IT-сфере, в космической отрасли, однако и в этом ничего принципиально нового не было — Индия реализует вполне амбициозную космическую программу, сравнимую с европейской, китайской и японской (но меньшую по масштабам, чем американская и российская), индийская IT достаточно значима в мировом масштабе, а индийские рынки в любом случае важны для любого сценария мирового развития. Да и само «масштабное присутствие» Норендры Моди на ВЭФ могло произвести сильное впечатление только на человека, не бывавшего в январе в швейцарском Давосе: там уже несколько лет делегации Индии — одни из крупнейших и активнейших, портрет индийского премьер-министра также украшает любую свободную и выгодно расположенную с точки зрения обзора поверхность. Тем не менее само по себе ощущение «скрытого объема» предмета переговоров России и Индии в последние годы только нарастает — стороны явно ждут друг от друга много большего, текущие «геополитические» моменты, — как, например, присутствие Индии в реформированном Совете Безопасности ООН, позиции в отношении Ирана, ближневосточные (сирийские и афганские) тематики — смотрятся исключительно конъюнктурными. Сторонам друг от друга явно нужно «не это», а «это» остается скрытым за сиюминутными вопросами, которые решаются вполне успешно.

В принципе списать «неяркость» переговоров России и Индии во Вла-